

РАНЦЕВЫЕ НАБОРЫ КРЕМНЕВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ КАМЕННОГО ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

А.В. Колесник

Донецкий национальный университет, Донецк

Работа посвящена исследованию феномена существования личной собственности и индивидуальных предметов у людей каменного века. В статье анализируется одна из категорий археологического инвентаря – ранцевые наборы кремневых инструментов. Обычно ранцевые наборы состоят из нескольких кремневых орудий и пластин без признаков использования. Часто между пластинами сохраняются технологические связи. Количество изделий в ранце колеблется от нескольких штук до нескольких десятков. Инструменты помещались в небольшую емкость, вероятно, в кожаные мешочки. Состав и ценность ранцевых наборов были различными, вероятно, они имели разную имущественную ценность. Мы полагаем, что этот набор был собственностью конкретного человека и с ним могли совершать разные сложные действия. Наборами жертвовали в качестве даров потусторонним силам, помещали в могилы. Чаще всего встречаются личные «клады-приношения» различной имущественной ценности. Эти небольшие «клады» систематически находят исследователи, начиная с верхнего палеолита. Традиция накопления «кладов-приношений» оставалась неизменной вплоть до эпохи раннего металла. Во всех случаях мы наблюдаем проявление индивидуальности. В повседневной жизни люди каменного века использовали индивидуальные ранцевые наборы кремневых инструментов в различных манипуляциях. Набор орудий не был связан с какой-то определенной производственной отраслью. Вероятно, личные «сумки с инструментами» обладали повышенным семиотическим статусом. В известном Мариупольском могильнике найдена серия индивидуальных ранцевых наборов с кремневыми орудиями. Они располагались в погребениях и мужчин, и женщин. Ранцевые наборы из «кладов» в неолитических погребениях – один из первых ярких примеров существования личной собственности у людей каменного века, что позволяет видеть в этом феномене проявление субъектности и индивидуальности.

Ключевые слова: археология, палеолит, ранцевый набор с кремневыми орудиями, возникновение личной собственности

Введение

Феномен индивидуальности в каменном веке может обсуждаться исключительно на основании археологического источника. Бесспорное преимущество в этом плане принадлежит памятникам изобразительного искусства, содержащим антропоморфные сюжеты [Абрамова, 1966; Gvozdover, 1995]. В круг археологических индикаторов индивидуальности входят также различные декорированные предметы – украшения, аксессуары убранства одежды и некоторые другие аттрактивные

вещи [Филиппов, 2004]. Личная индивидуальность автора или собственника таких предметов непосредственно выражена в них художественными средствами путем формирования определенного имиджа, неповторимого в деталях.

Вместе с тем, существует категория археологических маркеров, которые опосредованно отражают феномен индивидуальности. К их числу относятся индивидуальные «ранцевые наборы» каменных изделий, связанные с индивидуальностью посредством феномена личной собственности.

Достоверные ранцевые наборы могут быть идентифицированы, либо в виде специфических «кладов», либо в виде особой категории погребального инвентаря. Несмотря на общие родовые признаки, небольшие портативные «клады» существенно разнятся между собой, поскольку каждый из них проходил стадию индивидуального отбора и формирования. Еще более информативными в этом плане являются наборы кремневых изделий из древних погребений. Ранцевые наборы из погребений являются сопутствующим инвентарем, определенным характером обряда. До помещения в погребение индивидуальные наборы были личной собственностью погребенного человека, и в таком качестве включались в контекст обряда. Личная собственность – важный атрибут и имущественная основа индивидуальности.

Экстраполяция понятий «личность», «индивидуальность», «личная собственность» на первобытное прошлое неизбежно модернизирует мир человека каменного века. Многообразие понимания личности в прошлом и настоящем составляет отдельную самостоятельную философскую проблему [Аникович, 2011; Лосев, 1977; Хьелл, Зиглер, 2006; и др.]. В связи с этим, возможно, оправдан дескриптивный подход к анализу феномена индивидуальности в каменном веке, в том числе на основании количественной и качественной характеристики небольшого сегмента мира вещей, которые были наиболее тесно связаны с конкретными индивидами и функционировали в их каждодневной практике.

Ранцевые наборы – «клады»

В археологии каменного века термин «ранцевый набор» первоначально получил широкое распространение в основном в связи с анализом небольших «кладов» кремневой продукции эпохи мезолита и неолита. В этом контексте ранцевый набор (tools kits) – небольшое компактное скопление отобранных кремневых орудий и их заготовок. Фактически это личная «сумка с инструментами» с набором кремневых орудий и заготовок для каждодневного использования. В «сумки» попадали также отдельные бытовые предметы. Клады кремневых изделий подобного типа регулярно встречаются в Восточной Европе и Западной Сибири [Колесник, 2006; Колесник, Коваль, 2009; Колесник, Давыденко, Коваль, 2011; Леонова, 2008; Леонова и др., 2006; Сериков, 2009; Синицына, 2000; и др.]. Хронология этих памятников – от верхнего палеолита до эпохи раннего металла.

Примечательно, что археологический контекст этого типа памятников не меняется на протяжении весьма длительного времени. Принципиально важно отметить, что уже в верхнем палеолите этот вид археологических памятников приобретает свои основные отличительные черты.

Археологической спецификой ранцевых наборов в составе «кладов» является ярко выраженная компактность залегания, которая отражает содержание кремневых предметов в небольшой портативной емкости. Следы самих емкостей из органических материалов пока не зафиксированы, но в торфяниках иногда сохраняются остатки небольших коробов и корзин, предназначенных для хранения и транспортировки мелких предметов. Плотное, компактное залегание кремней в ранцевых наборах, часто в виде объемных комплектов, свидетельствует в пользу небольших мешочков, которые могли быть сделаны из кожи, бересты, луба. В небольшом объеме сумочки или мешка при переносе произвольно происходило совмещение удлиненных плоских предметов, согласованное положение их по плоскостям и продольным осям. Во всех достоверно зафиксированных случаях находок «сумок с инструментами» отмечено очень плотное залегание предметов, часто в виде четко определяемого комплекса.

Расположение кремневых изделий в портативном наборе инструментов, как правило, произвольное и кардинально отличается от положения вещей в кладах с осознанной раскладкой предметов в определенном порядке [Boroffko, 2007]. Например, таковым является «клад» у ст. Старочеркасской в Нижнем Подонье [Гудименко, Дмитриенко, 2009]. Здесь компактная масса заготовок кремневых наконечников была охвачена с боков и сверху двумя каменными пестами и сверленным топором-молотом. Подобные «клады» с выраженной внутренней структурой, видимо, несут семантическую нагрузку, отличную от кладов ранцевых наборов.

В ранцевые наборы попадали специально отобранные группы изделий, преимущественно пластины и изделия из них. Многие пластины не имеют следов сработанности, т.е. были заготовками, составляли «запас текущего дня». Клады такого типа включают заготовки и орудия, слабо модифицированные вторичной обработкой. Они показывают реальное состояние кремневого инструментария в живой культуре. Помимо пластин, в качестве заготовок использовались отщепы. Редко в ранцевые наборы попадали также нуклеусы. Основной модульной заготовкой были все же отобранные пластины, часто это были наиболее крупные образцы. Яркой особенностью пластин из

«сумки» является сохранение во многих случаях технологической связи между ними, т.е. они скалывались с нуклеуса в ходе одной «технологической сессии» [Колесник, Клименко, 1997].

Признаки производственной специализации в подобных личных «сумках с инструментами» не отмечены. Эти инструменты предназначались для широкого спектра операций, т.е. не являлись специализированными наборами, в отличие, например, от наборов «стрелочников» раннего бронзового века. Заготовки из кремневых пластин и отщепов носили модульный характер и допускали их разнообразное использование в зависимости от сиюминутной потребности.

Найденный в 1979 г. на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II в Северном Приазовье «клад» был связан с верхним культурным слоем стоянки и является типичным «кладом» – ранцевым набором. Он включал 48 кремневых предметов, в том числе крупные пластины длиной 12–15 см [Медведев, 2013]. *«Размер пластин <...> совершенно нетипичен для кремневого инвентаря Каменной Балки. Они значительно превышают по своим параметрам основные формы заготовок для орудий»* [Леонова, Виноградова, 2014, с. 92].

Явные признаки преднамеренно сокрытых наборов отобранных кремневых пластин отмечены П.П. Ефименко в верхнем культурном слое стоянки Костенки I: *«Более крупные, отборные пластины, как правило, встречаются особняком, иногда по нескольку вместе, несомненно, намеренно скрытые где-нибудь в ямке-хранилище или под врытой в землю крупной костью»* [Ефименко, 1958, с. 214].

Анализируя материалыклада кремневых изделий 1970 года. из стоянки Каменная Балка II, М.Д. Гвоздовер и Н.Б. Леонова делают принципиально важное для целей нашего эссе заключение: *«Вместе с тем, хотелось бы отметить и еще один вывод, который вытекает из самого факта существованияклада, а именно: клад свидетельствует о наличии личной собственности на орудия труда»* [Гвоздовер, Леонова, 1977, с. 135]. Безусловно, небольшая «сумка с инструментами» каждодневного пользования была личной собственностью отдельного человека, и именно в таком качестве была вовлечена в разнообразные субъектные отношения.

Добровольное отчуждение ранцевого набора и сокрытие его в формате «клада» явно отражает индивидуальное волевое решение. Эта манипуляция сама по себе свидетельствует о наличии ограниченного личного имущества с правом свободного распоряжения им, вне зависимости от

социальных норм такого поведения. Образно выражаясь, размер этого имущества и определял размер имущественного права. Оно было явно небольшим, ограниченными предметами каждодневного личного обихода. Но в рамках этой небольшой собственности реализовывалось индивидуальное право выбора отдельного человека.

Систематическая повторяемость такого класса археологического инвентаря без выраженных признаков производственной и бытовой направленности свидетельствует о его осознанном сокрытии с целью материального дара-приношения в пользу особого виртуального мира. Портативный (фактически индивидуальный) «клад-приношение» – это относительно небольшой личный добровольный безвозвратный материальный вклад в воображаемый мир ценностей. Это делалось с целью поддержания личной, семейной и коллективной стабильности, а также, косвенно, для существующего в адекватных понятиях своего времени миропорядка. В цепочке восхождения социального качества *индивид-индивидуальность-личность* осознанное волевое решение, связанное с сокрытием «клада-приношения», соответствует уровню сформированной личности.

Из всего вероятного личного имущества человека каменного века именно «сумки с инструментами» становились, в первую очередь, объектом приношений. Это отражает их повышенный семиотический статус и активную манипуляцию с ними в живой культуре. Важно отметить также устойчивость этой практики, сложившейся в верхнем палеолите и длившейся вплоть до энеолита – до завершения исторической карьеры камня в качестве материала орудийной оснастки.

На заключительных этапах каменного века возрастают размеры кладов кремневой продукции, усложняется их состав и структура. Вероятно, это сопровождалось ростом личного имущества и дальнейшим развитием имущественного права. Вместе с тем, в рамках этого процесса ранцевые наборы каменных инструментов по-прежнему сохраняли значение модульной (легко вычленимой) единицы личной собственности. «Клады» отобранных пластин систематически выявляются на неолитических [Крижевская, 1992] и энеолитических [Ткаченко, 1988; Конопля, 1998; Колесник, Клименко, 1998] поселениях.

Ранцевые наборы в погребениях

Второй не менее важный аспект ранцевых наборов связан с погребальной практикой. В ред-

ких случаях их удается проследить в погребениях неолитической эпохи. Методика исследования погребений объясняет более надежную фиксацию ранцевых наборов по сравнению с неолитическими поселениями.

Уникальными и классическими примерами индивидуальных ранцевых наборов являются небольшие наборы кремневых инструментов из захоронений Мариупольского неолитического могильника. Благодаря особенностям погребального обряда в могилы регулярно клали кремневые изделия, но никогда не помещали туда керамику. Всего в Мариупольском могильнике найдено около 170 кремневых изделий, из которых 150 происходят из самих погребений, 20 – найдены в грунтовой засыпке могил.

В публикации Н.Е. Макаренко 1933 года приводится детальное описание погребения с ранцевым набором: «LXXXIV. Костяк лежит рядом с LV и LII, к югу от него, под XLIX, на спине, головой на восток, с вытянутыми ногами; руки на тазовых костях. <...> Сбоку, около плеча, рядом с раковиной, лежал маленький кремневый обломок. Далее, под левой частью груди и под левою рукой, под самим костяком, кучей лежали разные костяные изделия, скребки и ножевидные сколы, всего восемнадцать» [Макаренко, 1933, с. 99]. Благодаря инвентарным номерам кремневые изделия набора легко выделяются из сводной таблицы с материалами погребения. Эти изделия публикуются также в виде отдельной фотографии.

Второе погребение с ранцевым набором зафиксировано более точно. «LXXXIX. Костяк лежит рядом с XLVIII, к северу от него, головой на запад, на спине, с вытянутыми ногами, руки на тазовых костях <...> Над коленями, между бедренными костями, лежали компактной кучей кремневые вещи <...> На месте груди и живота – бусы из перламутра в форме кружочков, <...> два просверленных лисьих (?) зуба <...> и маленькие шаровидные костяные бусы» [Макаренко, 1933, с. 103]. Опубликован чертеж и фотография погребения, фотографии и рисунки кремневых изделий (рис. 1).

Специфика этих двух погребений была настолько очевидной, что они были выделены Н.Е. Макаренко в особую группу и описаны в отдельном параграфе книги. Говоря о вещах из погребения LXXXIV, автор писал, что «их собственник был никем иным, как мастером, которому нужны были именно эти (а не иные) орудия: ножевидные сколы, скребки, резцы. Инструменты говорят сами за себя. Мы думаем, что их владелец делал костяные вещи. Такие изделия в нашем

могильнике, прежде всего, – пластины из клыков вепря. Мы уверены, что он их делал этим инструментом. Мастер забрал с собой свое нехитрое дело, возможно, все. <...> Очевидно, тоже самое можно сказать и об инвентаре из могилы LXXXIX» [Макаренко, 1933, с. 53].

Ранец первого погребения (LXXXIV) включал 18 отобранных кремневых изделий. Ранец второго погребения (LXXXIX) включал 14 изделий, включая геометрический микролит в виде асимметричной трапеции. Ранцевый набор явно был помещен в компактную (кожаную?) емкость, положенную выше колен погребенного человека. Расположение предметов плотное, с согласованием продольных осей. Остатки этой небольшой сумки с кремнями являются самостоятельным структурным элементом погребения. Удлиненный ранец был положен вдоль ног покойного выше колен. Набор инструментов в нем был не специализированным.

Еще два достоверных ранцевых набора отмечены в погребениях VI и XLIX. Один из них был положен выше колен и помимо кремневых изделий включал створки речных раковин, заполненные красной глиной, а второй находился в области правого колена. Отмечены и другие менее выразительные наборы. В одной из сумок у правого колена погребенной женщины с ребенком находился набор костяных и перламутровых украшений (погребение LXXV). В этом же погребении найден небольшой набор кремневых орудий. Это означает, что ранцевые наборы в одинаковой степени принадлежали и мужчинам, и женщинам. За этим фактом скрываются совершенно новые горизонты анализа семантики индивидуальных «кладов-приношений».

Хорошо известно, что семиотический статус вещи мог кардинально меняться при помещении ее в могилу. Специфические производственные наборы «скорняков», «литейщиков», «стрелочников» в погребениях раннего бронзового века Восточной Европы отражают особый прижизненный или посмертный статус погребенных и не обязательно соответствуют их специальности (профессии) [Санжаров, 2010]. Этот алгоритм погребальной практики, вероятно, является универсальным. Пока не ясно, справедливо ли это утверждение по отношению к неолитическим погребениям. В любом случае наличие портативного индивидуального производственного набора с запасом кремневых инструментов «текущего дня», находящегося в личной собственности, не вызывает сомнений.

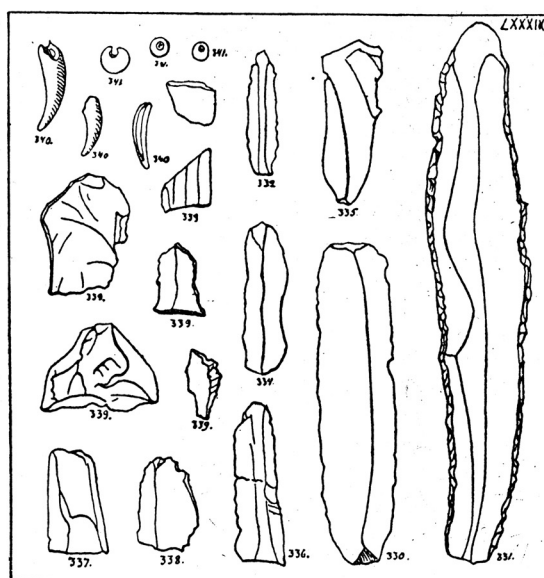
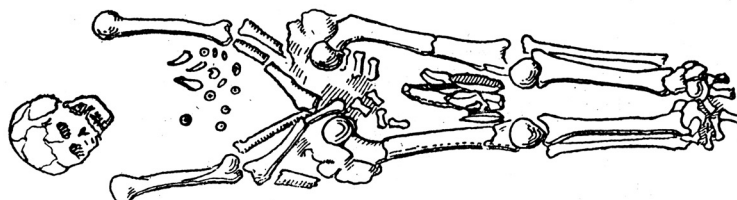

Рис. 1. Мариупольский могильник. Погребение LXXXIX с ранцевым набором
Примечания. 1 – погребение LXXXIX. 2–3 – ранцевый набор [цит. по: Макаренко, 1933].

Выводы

Проведенные анализ предлагает более корректно применять термин «ранцевый набор» (tool kits), или «сумка с инструментами», в том числе и при дифференциации кладов кремневых изделий и погребального инвентаря. Категория «кладов» кремневой продукции явно нуждается в дальнейшей детализации, с комплексным обоснованием каждой из выделенных групп. Похоже, что специфические «клады» в виде ранцевых наборов, помимо археологических особенностей, несли специфическую семантическую нагрузку: в ряде случаев являлись индивидуальными приношениями в пользу виртуального мира.

За процедурой сокрытия портативных кладов-приношений кремневых изделий стоит не просто социально-нормированная личность, а личность с индивидуальной собственностью и индивидуальной, судя по многообразию состава кладов, вариантностью выбора поведения. Устойчивое существование ранцевых наборов и их присутствие в кладах от позднего палеолита до неолита включительно свидетельствует в пользу стабильности института личной собственности. Косвенным образом это отражает стабильность структуры личности на протяжении значительного отрезка палеолита. Одним из ключевых элементов структуры личности в это время было свободное проявление воли, правда, в ограниченных масштабах.

Простота и портативность ранцевого набора каменных инструментов делала их удобной модульной единицей не только в бытовой и производственной практике, но и позволяла использовать их в разнообразных культовых процедурах, в том числе в погребальной практике. Ранцевые наборы из «кладов» или погребений – это калька индивидуальных ранцевых наборов кремневых инструментов из обычной жизни людей каменного века.

Библиография

Абрамова З.Г. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.: Наука, 1966. 220 с.
Аникович М.В. Личность в эпоху верхнего палеолита // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 478–492.
Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. С. 127–136.

Гудименко И.В., Дмитриенко М.В. Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения «Дюнное-5» у станции Старочеркасская // Археологические заметки. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2009. С. 46–49.
Ефименко П.П. Костенки I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 451 с.

Колесник А.В. Клад энеолитических кремневых наколочников из с. Татьянавка на Северском Донце // Святогірський альманах 2006. Донецьк, 2006. С. 52–64.

Колесник А.В., Коваль Ю.Г. Кремневый клад из п. Донецкий Славянского района // Святогірський альманах 2009. Донецьк, 2009. С. 22–35.

Колесник А.В., Клименко В.Ф. Клад кремневых пластин из Харьковщины // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 45.

Колесник А.В., Давыденко В.В., Коваль Ю.Г. «Клад» кремневых изделий из окрестностей с. Борогодичное в Донецкой области (бассейн р. Северский Донец, Юго-Восточная Украина) // Донецкий археологічний збірник. 2011. № 15. С. 104–116.

Конопля В. Скарб крем'яних пластин з Ількович і Шистива // Волино-Подільські археологічні студії. Львів, 1998. Вип. 1. С. 146–159.

Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб., 1992. 176 с.

Леонова Н.Б. Клады верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Наукові праці. Науково-методичний журнал. Серія «Історичні науки». Спецвипуск 83. Т. 96. Миколаїв, 2008. С. 85–88.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М., 2006. 342 с.

Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка 2 // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой: Сб. научн. статей. СПб.: Изд-во СПбУ, 2014. С. 88–98.

Лосев А.Ф. История античной философии. М.: Наука. 215 с.

Макаренко М.О. Маріупільський могильник. Київ: Видавництво ВУАК, 1933. 151 с.

Медведев С.П. Клад из верхнего культурного слоя позднепалеолитической стоянки Каменная Балка 2 // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Междунар. конф. молодых ученых. М., 2013. С. 18–20.

Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже средней-поздней бронзы. Луганск, 2010. 488 с.

Серигов Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья как ритуальные комплексы // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Наука, 2009. С. 276–293.

Синицына Г.В. «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф., посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000. С. 69–71.

Ткаченко О.М. Скарб крем'яних виробів з с. Заворскло Полтавського району // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1-2. Полтава, 1988. С. 90–91.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004. 244 с.
Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб.: Питер, 2006. 608 с.

Boroffka N. Some thoughts on deposition-habits in the pre-metallic periods of Europe // Искусство и религия древних обществ. Луганск, 2007. С. 52–58.
Gvozdover M. Art of the mammoth hunters. Oxford, 1995. 186 p.

Контактная информация:
Колесник Александр Викторович:
e-mail: akolesnik2007@mail.ru.

TOOL KITS OF STONE AGE FLINT IMPLEMENTS AS A PHENOMENOM OF INDIVIDUALITY (ON QUESTION FORMULATION)

A.V. Kolesnik

Donetsk State University, Donetsk

The paper analyzes the phenomenon of the existence of personal property and individual items of paleolithic people. The article analyzes one of the categories of archaeological equipment – knapsack sets of flint tools. Usually portable sets consist of a number of flint tools and inserts without signs of use. Often, the plates are stored technological communication. The number of items in the knapsack varies from several units to several tens. The tools were placed in a small container, probably leather bags. The composition and value of the knapsack sets were different. We believe that this set was the property of a particular person and it could make different complex actions. Sets donated as gifts otherworldly forces, was placed in the grave. The most common personal «hoard» a variety of property values. These small «hoard» systematically find researchers, starting with the Upper Paleolithic. The tradition of keeping «hoard-offerings» remained unchanged till Early Iron Age. In all cases, we see the manifestation of individuality. In the daily life of paleolithic people individual knapsack sets of flint tools used in various procedures. A set of tools was not associated with any particular industry. Probably a personal «bag of tools» had a high semiotic status. In famous Mariupol necropolis there was identified a series of individual tool kits of flint implements. They originate from burials of men and women. Knapsack sets of «hoard» and neolithic burials – one of the first striking examples of the existence of personal property from people of paleolithic age, allowing you to see the first manifestation of subjectivity and individuality.

Keywords: archeology, Paleolithic age, toll kits of flint implements, private property, individuality